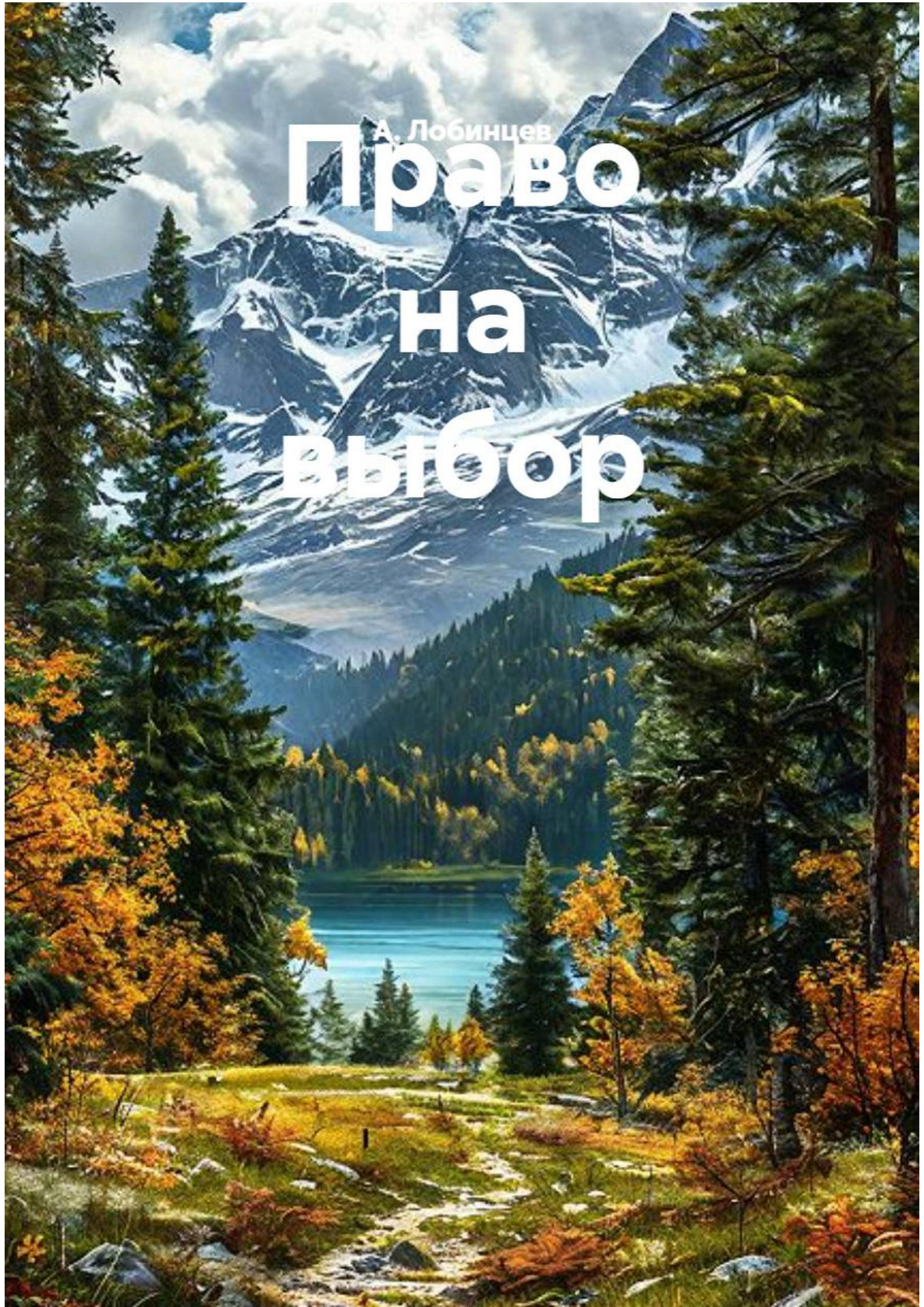

The background of the image is a detailed landscape painting. It depicts a majestic, snow-capped mountain peak rising above a dense forest. In the foreground, a path leads through a field of autumn-colored foliage towards a calm, turquoise lake. The scene is framed by tall evergreen trees on the left and right sides. The overall atmosphere is serene and natural.

А. Лобинцев

Право на выбор

А. Лобинцев

Право на выбор

«Автор»

2026

Лобинцев А.

Право на выбор / А. Лобинцев — «Автор», 2026

Перед вами - честная, зрелая и лишённая фальшивого лоска проза. Герои этих пятнадцати рассказов не ищут лёгких путей и не пытаются казаться святыми. Они совершают ошибки, упрямятся, идут напролом и проверяют этот мир на прочность - пока сама жизнь не устраивает им жёсткую проверку на излом. Конфликт на дворовой спортплощадке, оборачивающийся крушением привычных ценностей. Случайная встреча в парке, которая оборачивается полутора годами тайного преследования. Смертельно опасный таёжный маршрут, раны от которого становятся платой за легкомыслие. Автор без нравоучений и пафоса фиксирует саму жизнь - такой, какая она есть. Пятнадцать историй. Пятнадцать точек выбора. И каждый раз - право решить, кем быть: тем, кто прячется, или тем, кто делает шаг навстречу правде.

© Лобинцев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Улыбка не для всех	5
Десять из десяти	8
Алгоритм	11
Оборотная сторона	14
Без зрителей	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

А. Лобинцев

Право на выбор

Улыбка не для всех

Вадим шёл по набережной. Лицо спокойное, взгляд прямо, губы плотно сжаты. Он не злился и не грустил - просто шёл, как сотни других прохожих. Иностранцы, попадая сюда, часто думали, что попали в город суровых людей. Но это было не так.

Он не всегда был таким. В детстве он улыбался всем подряд - продавщицам в булочной, соседям, даже бродячим собакам. Мать говорила: «Ты как солнышко». А потом он вырос и понял: улыбка - это ресурс. Если тратить её на каждого встречного, она обесценивается. Как деньги, которые раздаёшь направо и налево.

В институте он попал в компанию, где улыбка была инструментом. Один парень, Денис, всегда улыбался широко и открыто, и все считали его душой компании. А потом Денис подставил его на экзамене, забрав тему курсовой, - просто потому что Вадим был единственным, кто видел его настоящую ухмылку. Вадим запомнил ту улыбку - пустую, как пластиковый стаканчик. С тех пор он перестал улыбаться незнакомцам. Не считал себя грубым - просто экономным.

У фонаря стоял парень с рюкзаком и картой. Улыбался широко, открыто, с надеждой. Подошёл к Вадиму, поднёс смартфон.

- Excuse me, could you tell me how to get to the museum?

Механический переводчик на экране монотонно выдал: - Извините, не могли бы вы подсказать, как добраться до музея?

Вадим остановился. Парень продолжал улыбаться, словно предлагал дружбу. Вадим почувствовал лёгкое раздражение. Он не любил эту манеру - улыбаться незнакомцам, будто все вокруг лучшие друзья.

- Прямо и налево, за сквером, - сказал он сухо, без улыбки.

Парень быстро ткнул в экран. Телефон озвучил ответ. Иностранец кивнул, улыбка на миг погасла, потом снова вспыхнула - уже натянутая.

- Thank you! - Спасибо! - добавил переводчик.

Парень убежал. Вадим пошёл дальше. Разговор оставил сухой металлический привкус. Он знал: иностранец, скорее всего, счёл его грубым. Но он не был грубым. Просто у него не было причин улыбаться этому человеку. Он его не знал.

Вадим работал смотрителем в небольшом музее. Здесь всё подчинялось тишине и ровному ритму. Он не любил суеты, не любил, когда нарушали его покой. Но работа есть работа.

Через час в музей вошла группа туристов. Среди них Вадим заметил знакомую куртку и рюкзак. Тот самый парень. Он, видимо, действительно хотел посмотреть музей, а не просто спросить дорогу.

Парень бродил по залам, останавливался у картин, поглядывал на Вадима и улыбался. Вадим отворачивался. Он видел этот приём - улыбку как ключ к доброжелательности. Для него она была пустой.

К обеду в музее стало многолюдно. Двое стариков тихо спорили над датировкой этюда; школьница пыталась снять картину на телефон в полумраке; молодая пара перешёптывалась у витрины. Вадим отвечал на вопросы, указывал дорогу, объяснял правила. Голос его был ровным, вежливым, но без тепла. Картинам всё равно, серьёзный он или нет. Им важно, чтобы их видели.

Перед выходом парень с рюкзаком подошёл к стойке. Снова достал телефон.

- You don't smile much, do you? - спросил он с лёгкой обидой.

Переводчик выдал: - Вы не очень улыбаетесь, да?

Вадим посмотрел ему в глаза.

- Улыбка - не рефлекс, - ровно сказал он. - Ей нужен повод.

Парень снова заговорил в микрофон: - Но вы только что сказали привет без улыбки. Это ваша культура?

Вадим задумался. Он хотел отвернуться, привычно списав всё на чужой менталитет. Но пауза затянулась, и сквозь неё проступило не осуждение - искренний вопрос. Парень не критиковал. Он просто не понимал.

Вадим положил ладони на стойку, перевёл взгляд на витрину за спиной иностранца.

- Это не маска, - сказал он наконец. - Это просто лицо. У нас не принято улыбаться незнакомцам. Улыбка - это не приветствие. Это подарок. Мы дарим её тем, кто нам дорог. И если я улыбнусь вам сейчас, это будет ложь. Я улыбнулся бы вам, если бы мы знали друг друга. Но мы не знаем.

Иностранец выслушал перевод. Некоторое время молчал, обдумывая. Потом кивнул:

- I think I understand. It's like... you don't waste real emotions.

- Да, - сказал Вадим, и впервые за весь день его голос стал мягче. - Именно.

Парень убрал телефон в карман, улыбнулся - уже не дежурно, а как-то по-человечески, и вышел.

В шесть Вадим закрыл музей. На телефоне зажужжало сообщение от Паши: «Встречаемся в семь, как обычно». Вадим улыбнулся - впервые за день. Тепло, открыто, как умел, когда рядом был тот, кому доверял.

У пруда былолюдно. Паша сидел на лавочке, махал рукой.

- Ты как? - спросил друг.

- Нормально. Иностранец один удивлялся, почему я не улыбаюсь.

- И чё ты ему сказал?

- Что улыбка - не рефлекс. Ей нужен повод.

Паша фыркнул: - Ты, главное, ему не говори, что я тебя иногда заставляю улыбаться. А то он решит, что я тебя шантажирую.

Вадим коротко хмыкнул, а потом расхохотался в голос. Лицо, ещё час назад казавшееся каменным, стало живым, подвижным, тёплым. Он улыбался так, как не улыбался на работе.

Мимо проходил парень с рюкзаком. Тот самый. Он услышал смех, обернулся, увидел Вадима - и замер.

Вадим заметил его. Улыбка чуть померкла, но не исчезла. Радость была настоящей, и он не мог её спрятать.

Парень с рюкзаком тоже улыбнулся - не дежурно, а искренне. Он понял. Увидел, что у этого серьёзного человека есть улыбка. Просто она не для всех.

На следующее утро Вадим пришёл в музей раньше обычного. На стойке лежала записка. Сложенный вчетверо листок, на котором крупными печатными буквами было выведено по-английски:

«Now I understand. Your smile is not for everyone. It's for those who matter. Keep it true.»

Вадим навёл камеру - приложение перевело: *«Теперь я понимаю. Твоя улыбка не для всех. Она для тех, кто важен. Сохрани её настоящей».*

Вадим усмехнулся. Взял ручку и дописал внизу по-русски:

«Спасибо. В следующий раз, когда встретите незнакомца с таким же лицом, знайте: он, возможно, просто бережёт улыбку для тех, кто её заслужил».

Он сложил листок и спрятал его во внутренний карман пиджака, проведя ладонью по плотной бумаге. Лицо снова стало нейтральным. Но в глазах горел свет.

Через час в музей вошла группа туристов. Вадим встретил их спокойным взглядом - без улыбки. Но голос его был тёплым. Он смотрел на них не как на незнакомцев, а как на будущих знакомых. И те, кто слушал, чувствовали: улыбка здесь не нужна. Есть кое-что важнее.

Честность. Свет в глазах. Понимание, что настоящая улыбка - редкая драгоценность, а не товар, который раздают на каждом углу.

Десять из десяти

Андрей проснулся за пятнадцать минут до будильника. Организм, приученный к многолетней дисциплине, знал расписание лучше любых часов. Подъём, душ - ровно пять минут, хватит, чтобы взбодриться, но не смыть защитный слой кожи, - выезд.

В пробке он мысленно прокручивал сценарий сегодняшней презентации. Проект «Альфа» - его детище. Полгода расчётов, десятки согласований, три отрисованных макета. Он предусмотрел всё: вопросы клиента, возражения финансового директора, даже возможные помехи в проекторе. На этот случай в портфеле лежал ноутбук с дублирующей презентацией, флешка, бумажные распечатки и, на крайний случай, план речи без единой картинки.

- Всё под контролем, - сказал он вслух, паркуясь у офиса.

В офисе было темно.

- Андрей Петрович, света нет, - сообщила секретарша тоном, будто речь шла о конце света. - Во всём районе. Авария на подстанции.

У Андрея внутри что-то щёлкнуло, но внешне он остался спокоен. Проверил заряд телефона - сто процентов. Раздал указания: команда работает с мобильных точек доступа, презентация у него на ноуте, проектор не нужен - клиент согласится посмотреть на экранах, у них есть свой конференц-зал с резервным генератором. Он связался с секретарём клиента, перенёс встречу на сорок минут, предложил их офис. Клиент согласился.

Презентация прошла блестяще.

Вернувшись в обесточенный офис, Андрей сел за стол и открыл ежедневник. Красной ручкой дописал в графу «Риски» пункт: «Отключение электричества». Рядом вывел план «Б-2»: покупка переносного генератора для офиса, согласование с арендодателем резервного кабеля, список коворкингов поблизости на случай блэкаута.

- Чем больше планов, тем меньше случайностей, - пробормотал он довольно.

Вечером, вопреки графику (где значилось: 19:30 - ужин, 20:15 - спортзал), он задержался в офисе. Составлял новую таблицу рисков. Выходя из здания в начале десятого, чувствовал странную лёгкость. Снова победил хаос.

На углу Садовой и Невского, прямо у входа в метро, играл саксофонист. Андрей обычно проходил мимо таких, не сбавляя шага. Это было незапланированное действие. Но сегодня почему-то остановился.

Музыкант - молодой, лохматый, в растянутом свитере - играл с закрытыми глазами, полностью уйдя в себя. Рядом на футляре лежала мелочь, несколько сотенных купюр и открытая пачка «Беломора». Никакого графика, никакого KPI, никакой страховки на случай дождя.

Андрей поймал себя на мысли, что смотрит на него как на инопланетянина. Как можно жить, не зная, что будет завтра?

Музыкант доиграл, открыл глаза и, поймав взгляд Андрея, улыбнулся:

- Хороший вечер, да?

- Вечер как вечер, - пожал плечами Андрей. - Ветра нет, осадков не обещали.

Парень рассмеялся:

- Стоишь тут в пиджаке, считаешь что-то в голове. А ты слышал вообще, что я играл?

Андрей замялся. Слышал - но не слушал. Звук просто шёл фоном.

- Это называется «случайность», - сказал музыкант, закуривая. - Сегодня я здесь, завтра - там. Хочешь - послушаешь, хочешь - пройдёшь мимо. В этом весь кайф.

- В хаосе кайфа мало.

- А ты попробуй. Вон, видишь компанию? - музыкант кивнул на шумную группу с гитарой и пакетами, грузившуюся в старенький микроавтобус. - На озеро едут. Места есть. Прямо сейчас. Билетов не надо, брони не надо. Просто сел и поехал. Слабо?

Это было иррационально. Завтра утром - разбор полётов по проекту. Послезавтра - теннис с партнёрами. Воскресенье - уборка и закупка продуктов по списку.

- Мне на работу, - сказал Андрей.

- В десять вечера? - усмехнулся саксофонист. - Врёшь. Боишься.

Андрей не боялся. Он просто не понимал, зачем. Но через минуту, сам себе удивляясь, он уже сидел в тёплом, пропахшем бензином и дымом автобусе, и какая-то девушка с синими волосами протягивала ему пластиковый стаканчик с дешёвым вином.

Это был лучший день за последние пять лет.

Костер, гитара, Андрей, промочивший ноги в холодной воде, впервые не подумал о том, что завтра простудится и сорвёт тренировку. Он смотрел на звёзды, которых не видел из-за городской засветки, и слушал, как кто-то читает стихи. Глупые, нерифмованные - но настоящие.

Вернулся в шесть утра субботы, проспал до обеда и впервые пропустил теннис.

В понедельник его вызвал директор.

- Андрей, ты отличный спец, - начал тот без предисловий. - Но в пятницу была встреча с «Вестрой». Ты видел повестку?

Андрей похолодел. Повестку он видел. Но в пятницу вечером, когда пришло письмо, он был на озере. А в субботу отсыпался. А в воскресенье, по привычке, поехал за продуктами по списку, хотя холодильник был полон.

- Клиент сменил условия, - сказал директор. - Нужно было импровизировать. А ты не пришёл.

- Я могу подготовить новый вариант за два дня.

- У нас нет двух дней. «Вестра» ушла к конкурентам.

Андрей молчал. Он знал, что виноват. Не в том, что уехал на озеро, - а в том, что не оставил ни одного человека, который мог бы подстраховать. Он всегда работал один. Так надёжнее.

- Мы не увольняем тебя, - сказал директор. - Но проект «Альфа» закрывается. Премии не будет. Это справедливо.

Андрей кивнул. Вышел. Сел за стол, открыл ежедневник. В графе «Риски» не было пункта «Я уеду на озеро и пропущу встречу». Потому что такого риска не существовало в его мире.

Следующие два месяца он пытался вернуться в колею. Составлял таблицы, прописывал сценарии, работал по четырнадцать часов. Но внутри что-то надломилось. Он ловил себя на том, что в пробке вспоминает не повестку дня, а костёр, звёзды, холодную воду в кроссовках. И ему было всё равно.

Однажды вечером он сидел в пустом офисе, глядя на экран. На экране - таблица. Идеальная, безупречная, с цветовой кодировкой и примечаниями. Он посмотрел на неё и вдруг понял: он не помнит, зачем она нужна. Не помнит, какой проект, какой клиент, какой дедлайн. Таблица была идеальной. И абсолютно бессмысленной.

Он закрыл ноутбук. Написал заявление. Не потому что выгнали - а потому что сам больше не хотел.

Первые три месяца без работы были страшными.

Он просыпался в семь по привычке и лежал, глядя в потолок. Рука тянулась к телефону - проверить почту. Но почты не было. Некому было писать. Он ходил в магазин, покупал продукты по списку, готовил по рецепту, убирал квартиру по расписанию. Всё было идеально. И всё было пусто.

Он начал бегать по утрам. Не по плану - а когда хотелось. Иногда в шесть, иногда в девять. Иногда не бегал вообще. И это не вызывало паники.

Однажды он шёл по набережной и увидел того самого саксофониста. Тот играл на том же месте, в том же растянутом свитере. Андрей остановился. Послушал. На этот раз - по-настоящему.

Музыка была неровной, с фальшивыми нотами - но в ней было что-то живое. Чего не было в его таблицах.

Саксофонист доиграл, открыл глаза, узнал.

- О, - сказал он. - Тот самый. В пиджаке.

- Уже без пиджака.

Музыкант посмотрел на джинсы, кроссовки, отсутствие галстука.

- Уволился?

- Сам ушёл.

- Ну и как?

Андрей задумался.

- Страшно, - сказал он. - Но первый раз за пять лет я не знаю, что будет завтра. И это... не так уж плохо.

Саксофонист кивнул.

- Хочешь - садись, послушай. У меня ещё два часа.

Андрей сел на бордюр. Слушал. Вечер был тёплый, ветер пах рекой. Он не думал о завтрашнем дне. Не думал о планах. Не думал о рисках. Он просто сидел и слушал.

Через полгода Андрей нашёл работу. Не в корпорации - в маленьком стартапе, где было пять человек и ни одного бизнес-плана. Делали приложение для доставки еды в пригородах. Платили мало, но было интересно.

Ежедневник он не выбросил. Но теперь в нём было всего три пункта на день. Не тридцать. Три. И один из них всегда: «Послушать музыку». Не обязательно саксофониста. Любую.

Как-то вечером он шёл домой и увидел на углу девушку с гитарой. Она играла плохо, фальшивила, но пела с таким удовольствием, что прохожие останавливались. Андрей остановился. Достал мелочь, бросил в чехол.

Девушка улыбнулась:

- Спасибо. Хороший вечер, да?

Андрей посмотрел на небо. Ни облачка. Звёзды.

- Десять из десяти, - сказал он. - Ветра нет, осадков не обещали.

И рассмеялся. Сам не понял, почему. Просто стало легко. Как тогда, на озере, когда холодная вода затекла в кроссовки, а ему было всё равно.

Он пошёл дальше. Без плана. Без расписания. Без страховки на случай дождя.

Алгоритм

Денис проснулся в шесть утра, как всегда, без будильника. За окном вовсю светило солнце. Он полежал минуту, потом встал, умылся, надел джинсы и футболку, накинул лёгкую куртку.

На кухне тихо. Заварил кофе, налил в термос, взял бутерброд. Никаких лишних движений. Механика, которая стала второй кожей.

Он развозил стройматериалы по городу. График - плотный, но не убийственный. Зарплата - средняя. После развода два года назад одиночество стало привычным, но иногда давило. Поэтому неделю назад он зарегистрировался в приложении для знакомств - не потому что верил в любовь, а чтобы почувствовать, что его кто-то ждёт.

На работу он приехал к семи. Склад гудел. Денис обошёл грузовик, проверил колёса, заглянул под капот. Всё в порядке. Завёл мотор, вырулил на выезд.

У ларька он остановился, как всегда. Кофе без сахара, с молоком. Продавщица протянула стаканчик, он кивнул, взял, поехал дальше. Четыре года - каждое утро, кроме выходных.

Он не знал, что несколько месяцев назад на этом перекрёстке помог пожилой женщине перейти дорогу. Она была в синем платке, с тяжёлой сумкой. Денис выскочил из кабины, подхватил её под руку, перевёл через дорогу. Она поблагодарила, он кивнул и поехал дальше.

В приложении он пролистал с десятков анкет, поставил несколько лайков, получил пару ответов. Переписка была вялой. И вдруг - она. Её звали Аня. Она писала грамотно, без смайликов через слово, сразу предложила встретиться в «Чеховском скверике». Денис удивился: обычно девушки ждут, пока парень предложит. А тут - сама. Он подумал: «Интеллигентная». И решил, что это его шанс.

Они переписывались три дня. Она спрашивала о работе, о книгах, о жизни. Он отвечал честно, без лишних деталей. Она смеялась над его шутками, угадывала его настроение. Быстрое понимание - такого у него не было даже с бывшей женой.

В день встречи он проснулся особенно рано. Побрился тщательнее обычного, надел чистую рубашку. В кармане куртки лежала маленькая коробка с шоколадными конфетами - на всякий случай, хотя она предупреждала, что сладкое не ест. Он всё равно купил: хотел сделать приятно.

В сквере было тихо и уютно. Денис пришёл за десять минут, обошёл фонтан, постоял у скамейки. Голуби клевали хлеб у ног старушки.

- Простите, который час? - раздалось за спиной.

Он обернулся. Она стояла - светлое платье, рыжие волосы в небрежном пучке, глаза серые, внимательные. Живые, как на фото.

- Без десяти, - сказал он. - Вы рано.

- И вы тоже. Значит, оба волнуемся.

Она улыбнулась ровно, без кокетства. Денис выдохнул: не будет этих игр в кошки-мышки.

- Я купил конфеты, - он протянул коробку. - Хотя ты говорила, что не ешь сладкое.

Она взяла коробку, посмотрела на неё, потом на него.

- Это проверка, - сказала она тихо. - Я хотела узнать, заметишь ли ты. Ты заметил. И купил. Это важно.

Он не понял, но кивнул.

Они пошли вдоль аллеи. Говорили о работе (она - копирайтер, он - водитель), о книгах (она любила детективы, он - фантастику). Она задавала вопросы, он отвечал. Никаких неловкостей. Денис поймал себя на мысли, что уже почти забыл о её странной фразе про проверку.

- А у тебя есть любимая книга? - спросила она.

- «Три товарища». Ремарк.

- Ты говоришь как герой, - заметила она. - Мрачный, честный, немного обречённый.

- По жизни я не такой, - засмеялся он. - Просто хорошая книга.

Она улыбнулась, но смотрела на пруд. В отражении рябилось что-то ещё.

- А ты когда-нибудь боялся? - спросила она, когда они сели на скамейку.

- Чего?

- Например, что за тобой следят.

Денис засмеялся.

- Следят? У меня график - склад-гараж-магазин. Кому за мной следить?

Она не засмеялась.

- Бывает, человек сам не знает, что за ним уже давно следят. С работы, из магазина, из окна дома. Каждый день одно и то же. И кажется, что это норма.

- Ты меня пугаешь, - он попытался перевести в шутку, но голос дрогнул. - Это сейчас про книгу?

- Про жизнь, - она повернулась к нему. - Денис, ты любишь жёлтый цвет? Твой гараж покрашен в жёлтый. Ты там работаешь уже четыре года. Ты каждый день в 8:20 покупаешь кофе в ларьке у выезда. Без сахара, с молоком. Ты носишь серебряное кольцо на правой руке - я не знаю, что там написано, но ты всегда его поправляешь, когда волнуешься. Твоя мама живёт в Саратове, ты звонишь ей по воскресеньям. А ещё у тебя есть привычка тереть переносицу, когда врёшь. Прямо как сейчас.

Он замер. Солнце светило, но дышать стало нечем.

- Откуда ты...

- Ты сам дал мне свой номер в приложении. Ты сам согласился на встречу. Ты сам пришёл. Я ничего не нарушила.

Она говорила спокойно, почти ласково.

- Полтора года назад, - сказала она. - Ты помог женщине перейти дорогу у светофора. Я была той женщиной. В синем платке. Ты меня не узнал. А я запомнила. Ты улыбнулся - устало, но тепло. Я тогда подумала: вот человек, который не пройдёт мимо.

Денис смотрел на неё, не в силах вымолвить ни слова.

- Я не сразу решилась, - продолжала она. - Я начала ходить мимо твоего склада. Иногда видела тебя. Ты помогал старику выносить мусор. Ты улыбался детям. Ты всегда один. Я смотрела и думала: как сделать, чтобы ты заметил меня? Ты так и не заметил. Тогда я решила помочь тебе.

- Помочь? - выдохнул он.

- Я настроила параметры в приложении. Твой возраст, город, интересы. Алгоритмы свели нас сами. Я только чуть-чуть подтолкнула.

Она улыбнулась. В этой улыбке не было тепла - только ледяная уверенность хозяйки положения.

- Не бойся, - сказала она. - Я не сумасшедшая. Я просто решительная.

Он встал. Коробка с конфетами осталась у него в руке. Он сжал её, чувствуя, как хрустит картон.

- Мне пора, - сказал он.

- Конечно. Завтра в восемь двадцать, на кофе? Я буду там.

Он не ответил. Пошёл к выходу. Солнце светило, но он шёл сквозь сумерки.

Дома он сидел на кухне без света. В руке дрожала чашка с остывшим чаем. Она знала всё. Она говорила об этом спокойно. И эта нормальность пугала больше, чем крик.

Он пытался вспомнить тот день. Синий платок, дождь. Да, была такая женщина. Она ничего не сказала, только смотрела странно. А он не запомнил её. Она же помнила каждую секунду.

«Я не сумасшедшая». Именно это слово и пугало. Она была абсолютно рациональна. Она терпеливо ждала полтора года. Она выучила его привычки. Она настроила алгоритмы. У неё был план. И теперь план сработал.

Он попытался вспомнить, что ещё она могла знать. Квартиру он сменил два года назад, после развода. А она следила за ним и до этого. Могла ли она знать цвет обоев в старой спальне? Могла. И это было страшнее любых угроз.

Денис лёг, не раздеваясь, уставился в потолок. Последняя фраза застряла в голове: «Завтра в восемь двадцать». Она звучала как обещание.

На следующее утро он купил кофе в другом ларьке. И послезавтра - тоже. Но где-то в глубине сознания он знал: это не надолго. Однажды она окажется там, где он её не ждёт. И улыбнётся. И спросит, как дела.

Он не знал, что ответит. Но знал, что, наверное, ответит. Потому что её терпение не имело границ. А терпение, как он начинал понимать, страшнее любого удара.

Оборотная сторона

Пыль в луче света казалась густой, как кисель. Алексей чихнул, вытер лоб и швырнул в мусорный пакет пачку квитанций за девяносто какой-то год.

Он копался в этом комоде уже третий час. Вокруг штабелями высились коробки с пожелтевшими письмами, подшивками «Науки и жизни» и жестяными банками из-под чая, забытыми пуговицами. Сорок лет родительской памяти отказывались сворачиваться в штабеля картонных коробок. Дом продавался - риелтор уже нашёл покупателя, торопил, нудил в трубку: «Лёш, если найдёшь синюю папку с документами на межевание, цена поднимется тысяч на двести. Покупатель очень заинтересован, ищи». Алексей искал. Но каждый раз, открывая очередную ящик, пальцы надеялись наткнуться не на плотный гоznak, а на тонкую фотокарточку.

Он помнил этот снимок с семи лет. Отец стоит у покосившейся деревянной калитки, щурится от солнца и улыбается так открыто, будто впереди у него целая вечность. В руке - веник из ромашек и зверобоя. Мама всегда говорила, что это день их знакомства.

А потом отец ушёл. Просто не вернулся в один из вторников.

Алексей помнил тот вечер. Мама накрыла на стол, поставила три тарелки. Потом убрала одну. Потом села и долго смотрела на пустое место. Он спросил: «А папа?» - «Папа уехал». - «Куда?» - «Далеко». - «Когда вернётся?» Она не ответила.

Мама развела костёр за сараем. Алексей до сих пор помнил этот удушливый, едкий запах палёной шерсти - в огонь летели отцовские свитера, чертежи, любимая кепка. Он стоял в дверях сарая и смотрел, как кепка скручивается от жара, как плавятся буквы на обложке блокнота. Мама стояла рядом, не двигаясь, и вдруг резко оглянулась на окно - будто кто-то мог увидеть. Он тогда не понял, что это был страх. Или стыд. Или и то, и другое.

А ночью он застал маму на кухне. Она сидела в темноте, прижав к лицу ту самую фотографию, и беззвучно, страшно тряслась всем телом. Он стоял в дверном проёме, босой на холодном линолеуме, и не знал, что делать. Не подошёл. Не окликнул. Просто стоял и смотрел. Потом тихо вернулся в кровать.

Утром карточка исчезла. Мама спрятала её так надёжно, что не нашла даже перед смертью.

Перед смертью - это было три месяца назад. Мама лежала в больнице, маленькая, прозрачная, как бумага. Алексей сидел рядом, держал её руку. Она вдруг открыла глаза и сказала:

- Лёшенька, не ищи ту фотографию.

Он вздрогнул.

- Какую фотографию, мам?

- Ту. С калиткой. Я её спрятала. Не надо её искать.

- Почему?

Она помолчала.

- Потому что на ней он счастливый. А я не хочу, чтобы ты думал, что он был счастлив без нас.

Алексей не нашёл слов. Мама умерла через два дня.

Он помнил об отце мало. Запах табака. Большие руки, пахнущие машинным маслом. Шрам на колене - отец учил его кататься на двухколёсном велосипеде, держал за сиденье, бежал рядом, а потом отпустил. Алексей не заметил, когда именно. Просто в какой-то момент оглянулся - а отца уже не было рядом. Он ехал сам.

Тогда он подумал, что отец стоит где-то позади и смотрит. Теперь он понимал: отец, может быть, уже тогда знал, что однажды отпустит его совсем.

- Лёш, кофе будешь? - крикнула из кухни Алина.

- Да, давай, - отозвался он, не глядя на дверь.

Рука по локоть ушла вглубь нижней секции. Пальцы нащупали что-то твёрдое, завёрнутое в холщовую тряпку. Тяжёлый томик Пастернака, издание восемьдесят первого года. Алексей вытащил книгу, сдул серый налёт с переплёта. Страницы слиплись от времени. Он осторожно раскрыл посередине.

Из книги, прямо под ноги, бесшумно выскользнул пожелтевший кусочек картона.

Алексей замер. Медленно, словно боясь, что картинка рассыплется, поднял его.

Солнце. Калитка. Ромашки. Отец смотрел на него сквозь сетку мелких трещин на лаке. Улыбка - та самая, открытая, будто впереди вечность. Веник в руке. За спиной - покосившийся забор, кусок неба, облако.

Алексей перевёл взгляд на свои руки - ухоженные, с дорогими часами. Он вспомнил свой плотный график, вечные совещания, гонку за контрактами, квартирами, машинами. Ему всегда казалось, что если он заработает ещё немного, то внутри утихнет странный, тянущий сквозняк. Не утихал.

Он попытался вспомнить отцовский голос. Ничего. Только шрам на колене. Только момент, когда он оглянулся, а отца уже не было.

Он перевернул фотографию.

На обороте, блеклым, полустёртым карандашом, размашистым отцовским почерком было написано:

«Прости, сынок, что не попрощался. Я не умею быть таким, каким меня хочет видеть мама. Из меня получается плохой взрослый. Но я всегда любил тебя. Твой папа».

В горле застрял сухой, колющий ком. Алексей опустился на пол прямо в пыль, прислонился спиной к комоду и закрыл глаза. Слёзы текли не горячими дорожками - они просто текли, как вода, которая наконец пробила долгую плотину.

Злости не было. Жалости тоже. Только тихий щелчок внутри, словно встало на место давно выпавшее звено.

Его не бросали, потому что он был плохим. Его просто любили так, как умели. Плохо. Неполно. Но - любили.

Он сидел на полу долго. Пыль оседала на плечи, на волосы. Он читал надпись снова и снова. «Из меня получается плохой взрослый». Сколько раз отец перечитывал эти слова, прежде чем написать? Почерк был размашистым, но в слове «любил» буква «л» дрогнула. Или ему показалось.

Мама просила не искать. «Не хочу, чтобы ты думал, что он был счастлив без нас». Но мама не знала об этой надписи. На обратной стороне не было счастья. Там было прощание. Неловкое, неумелое, написанное карандашом, который, кажется, должен был осыпаться за сорок лет. Но не осыпался. Или ему просто повезло. Или это было важно.

В кармане зажужжал телефон. На экране: «Влад Риелтор». Алексей смахнул слезу, нажал на зелёную трубку.

- Да, Влад.

- Ну что там, Алексей? Нашёл папку? Покупатель ждёт, двести тысяч - не лишние.

- Нет, Влад. Никаких документов здесь нет. Продавай по базовой.

- Жаль, очень жаль... - завёл было риелтор, но Алексей сбросил вызов.

Он аккуратно вложил фотографию обратно между страниц, закрыл книгу и поднялся. Колени хрустнули.

Когда он вошёл в кухню, Алина стояла у окна, держа в руках две дымящиеся кружки. Она повернулась, собираясь что-то спросить, но осеклась, вглядываясь в его лицо.

Алексей молча подошёл, забрал свой кофе и сел за стол. Положил книгу перед собой, и Алина, не спрашивая, положила свою ладонь поверх его - поверх книги, поверх его руки, поверх всего.

- Нашёл? - спросила она.

- Да.

За окном кто-то стриг газон. Пахло летом. Алексей открыл глаза, посмотрел на свою ладонь, всё ещё лежащую поверх отцовской книги, и понял, что больше никуда не торопится.

Без зрителей

Алина проснулась от вибрации - телефон бился под подушкой, как пойманная птица. Нащупала, не глядя, поднесла к лицу. Экран вспыхнул: +127 подписчиков за ночь. Улыбнулась - не от радости, а по привычке: мышцы лица сами нашли нужное положение, отрепетированное тысячи раз. Фотографироваться умела даже во сне.

Она откинула одеяло и прошла в ванную. Телефон на подставке у зеркала - время от времени она бросала взгляд на экран, пока чистила зубы. Марк ещё спал в соседней комнате. Арендванная квартира на Невском, две спальни, просторная гостиная, лучший свет в полдень - она выбирала её по этим критериям, именно в таком порядке.

Восемьдесят тысяч подписчиков в Instagram, двадцать - в TikTok. Контракт с косметическим брендом, реклама постельного белья, съёмка каждого ланч-бокса от доставки «правильной» еды под нужным углом. Четыре года она выстраивала это - сначала просто выкладывала фото: «посмотрите, какая я». Потом поняла: красивой можно быть только на камере. В жизни - пустая квартира, остывший чай, списки задач на завтра и тишина.

Марк появился три месяца назад. Фотограф из небольшого пиар-агентства, попавший в её команду на коммерческой съёмке. Высокий, с резким скалистым профилем и внимательным взглядом - он умел смотреть в объектив так, будто за ним стоит не камера, а человек.

Они начали встречаться. Вернее, начали встречаться в кадре. Первая сторис: его рука на её талии, подпись «кажется, это случилось». Рекордные охваты. Вторая: кофе в постели, она в его футболке, он не появляется в кадре, но его дыхание слышно на записи. Третья: цветы, её смущённый смех, обложка в виде разбитого сердечка.

В комментариях писали: «какая пара», «такая искренность - редкость».

Алина не исправляла. Она продавала именно это - то, чего у неё самой давно не было.

Она жила по одному правилу: если событие не попало в объектив, его не существовало. Она ценна, пока на неё смотрят. И четыре года это правило действовало. Но иногда внутри звучал другой голос, тихий, как хорошо настроенная струна: «Любовь - это контент. Если отношения не видны аудитории, они не существуют». Она верила в это. Или заставляла себя верить.

В тот день они снимали в студии на Васильевском. Марк настроил свет, она листала ленту - проверяла, что выложили конкуренты.

- Слишком жёстко, - сказала она, глядя на тестовый кадр. - Мне нужно мягкое свечение. Как в тот раз, у окна.

- Там окно на запад. Сейчас солнце в зените.

- Найди вариант.

Марк послушно переставил софиты. Ему было комфортно во всём: он знал, в какой позе его профиль собирает больше лайков, какой ракурс делает их «химию» убедительной, сколько секунд должна длиться пауза перед поцелуем, чтобы зритель поверил. Не потому что был актёром - потому что был фотографом. Он видел кадр до того, как нажимал кнопку.

Их отношения длились три месяца - на экране. В жизни они делили аренду и молчали. Иногда Алина ловила себя на том, что не знает, какой кофе он пьёт на самом деле, когда никто не смотрит. Она не знала. И подозревала, что не хочет знать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.